

А

Владимир Иванович Даль

Двухаршинный нос

OCR Busya <http://www.lib.aldebaran.ru>

*"В. И. Даль "Избранные произведения"": Правда; Москва; 1983*

- Ну, извозчик, теперь мы с тобой выехали на простор: за рогаткой не будет езды такой, как в городе, и разговориться тебе свободно: сказывай же!

- Да что, батюшка барин, что вам сказывать-то? Житье-бытье наше известное - не барскому чета, а бога гневить нечего, жить можно.

- Оброку что платишь?

- Оброку? Да оброку-то, вишь, многонько платим; оно бы и ничего, кабы его добыть можно, а то, того гляди, поворотят тебя на работу, а в дому-то и худо будет. Оброку чистого платим мы с тягла - сперва было сто пятьдесят рублей, а теперь пошло на серебро {В XIX веке существовала разница между курсом бумажных денег и звонкой монетой. Так, в 1817 году ассигнационный рубль равнялся 26 коп. серебром; в 40-х годах рубль серебром равнялся 3 руб. 50 коп. ассигнациями.}, так положили сорок пять целковых.

- И уж больше нет повинностей никаких?

- Опрочь того, три дня работы с сохой, три дня жать, три дня косить, три дня сено грести, да хлеб перевозить па барское гумно, да три дня молотбы, да опять хлеб в город свозить - вот эта гоньба одолела нас, что стоянки за нею много, - ну да еще зимой двенадцать возов дров привезти из лесу да десять рублей караульных, на усадьбу, за сторожей; а там казенное подушное внести, да и ступай, куда хошь.

- А много ль это всего, по вашему счету, на деньги будет?

- Да на деньги, батюшка, коли то есть кто домой не едет круглый год, уж чтоб хозяйки его не обижали, нанимает за себя, на все, - так сходит никак по двести по двадцать ассигнациями и по тридцать. Все бы это ничего, кабы хоть уж земля была - знали бы, за что платим, - а то землей мы больно обижаемся.

- А что, не хороша земля у вас?

- Да уж чего хороша, батюшка: это известно, божье дело, не наше; какова ни есть, такову и паши; да пахать-то нечего: всего по две мерочки посеvu - вот что.

- Видно, плохо унавоживаете, то есть позему мало кладете?

- Э, баринушка, одной женой да одной коровой десятины не обрядишь, хоть что хошь делай. Известно, были б луга, держали б скотинку; ан их нет, ничем ничего, и сено купуешь. Да кабы еще на казенный лес, так хоть трубу закутай на круглый год, и дыму б не понюхал дома: лес у барина заповедной, что добудешь в казенном бору, то и горит. Порядки-то ныне пошли вишь какие, большие, что проходишь да проездишь за выправкой, так оно и полено того не стоит; ну, а славу богу, бога гневить нечего, все живется; что ни сорвет лесной, а все без тепла не живем.

- Ну, и слава богу, это, стало быть, ладно; теперь сказывай, как живешь у хозяина, почем что зарабатываешь да какова бывает удача.

- Да это, барин, известное дело, нанялся - продался, семь дней работать, а спать на себя. Хозяин платит рублей двадцать в месяц, кормит, дает верхнее платье; съездишь в день - да не равно, как бог даст: на три, на пять и на десять ину пору, в праздник, ассигнациями то есть; за счастливым поедешь боронить по улицам, не зевай только, и посадишь как раз; только свалил его - другого; а не задастся, так без почину домой приедешь, и то бывает; либо и того хуже, как полубарин какой-нибудь ездит, ездит целый день, лошадь замучит, надо бы с него получить рублей пять, а он соскочил где-нибудь: "Сейчас, братец", - да в проходной двор и шмыгнет; вот и ищи его! а тут еще простоишь да прождешь его часа два...

- Ну, а по чему же хозяин учтет тебя: может статься, ты обманешь его?

- Зачем обманывать, барин! Разумеется, кто этого не боится - пожалуй, на то воля; да ведь уж этакой долго не наживет у хозяина, а новый уж того жалованья не положит тебе, что старый. Ведь они дело это знают. Сам утаишь, так лошадь скажет: ведь он видит, сколько то есть умучена она; опять же выйдет посмотреть, как она есть. А конь, бывает, стоит повесив голову, а ты с недовыручкой, так вот он